

Актер приехал из Израиля поздравить любимый театр с юбилеем

ВПЛЕТЕННЫЙ В ИСТОРИЮ «БУРАТИНО»

ОН – ЧАСТЬ «того самого» «Буратино», в который рвались выпускники всех театральных вузов, даже столичных.

Легендарный триумвират: Шрайман–Терлецкий–Борнштейн – расширил рамки понятия «театр кукол» и ввел новое название – «театр кукол и актера». Серьезные интеллектуальные спектакли, философские трактовки, неоднозначные образы постановок «Буратино» магнитом тянули к себе новые таланты.

Потом все развалилось, и что после чего: триумвират после театра или театр после триумвирата – непонятно до сих пор даже им самим. Но они смогли сохранить дружбу, а главное, профессиональное уважение друг к другу. Борнштейн сегодня живет и с успехом творит в Санкт-Петербурге, Шрайман уехал в Израиль, но вернулся и возглавил кафедру актерского мастерства Магнитогорской консерватории. А наш герой остался на Земле обетованной. Однако Магнитогорск видит его часто – он приезжает к друзьям и на родную сцену. И каждый раз по городу шелестит: «Терлецкий приехал». В этот раз актер приехал поздравить «буратиновцев» с юбилеем театра. Творческий вечер, спектакль, пресс-конференция, юбилейный капустник – и эксклюзивное интервью «ММ».

– Евгений Владимирович, когда вы приехали в Магнитогорск, что было театром «Буратино»?

– Ничего, кроме идеи его создания, которую воплощал даже не я, а Борнштейн и Шрайман: я вплеся в эту историю. Но было четкое понимание того, чего нам хочется. До этого я три года работал в Харькове, где все, что я делал, было бессмысленным и ничего не давало мне ни как актеру, ни как личности. Как сделать так, чтобы творчество «пошло», мне объяснил уже Витя Шрайман. Мы оба из Харькова. Витя работал в театре кукол, потом уехал учиться в питерский институт и приезжал в Харьков на преддипломную практику. Затем была дипломная практика, к тому времени ему предложили организовать театр кукол, и он меня пригласил. Грубо говоря, это мой первый учитель.

– Три умных человека, еврея, да еще творческих личности – и на одном квадратном метре бок о бок: как показывает практика, это либо «друзья до гроба», либо ссора и – вражда на всю жизнь.

– У нас в жизни было все – и это естественно. Но... Мы сами недавно вспоминали – изначально на уровне интуиции мы поняли, что сидим в одной лодке, гребем в одном направлении и к одной цели. Мы совершенно разные – я даже боюсь сказать, насколько. Но как-то сложилось – судьба. Я не хочу сказать, что, кроме «Буратино», в моей жизни ничего не было. Но все самое лучшее у меня было в «Буратино».

– А что?

– Молодость – раз. Два – абсолютная реализация: и актерская, и человеческая – словом, все положительное, что может дать театр. У нас тут было что-то вроде столичной «Таганки» – мы жили театром, и он давал нам все. Чем я заслужил такое счастье – не знаю.

– Сколько длилось это безоглядное творческое счастье?

– Лет 15.

– Это много или мало для театра?

– Это чрезвычайно много. «Буратино» не растащили, не бросили погибать – он переживал нормальную эволюцию: кризис идей, людей – это абсолютно нормально, когда отношения себя исчерпывают. На каком-то этапе они исчерпались и у нас. Но это сейчас можно говорить об этом спокойно, а тогда мы восприняли все как трагедию.

– Что сегодня происходит с «Буратино»?

– Чтобы оценить, мне надо посмотреть спектакль. Лет одиннадцать назад я видел работу театра и могу сказать, что «Буратино» находился в великолепной форме.

– А коллектив все тот же?

– Аура – все та же. А со своими старыми – постаревшими и нестаревшими – соратниками мы будто и не расставались. Я вообще не

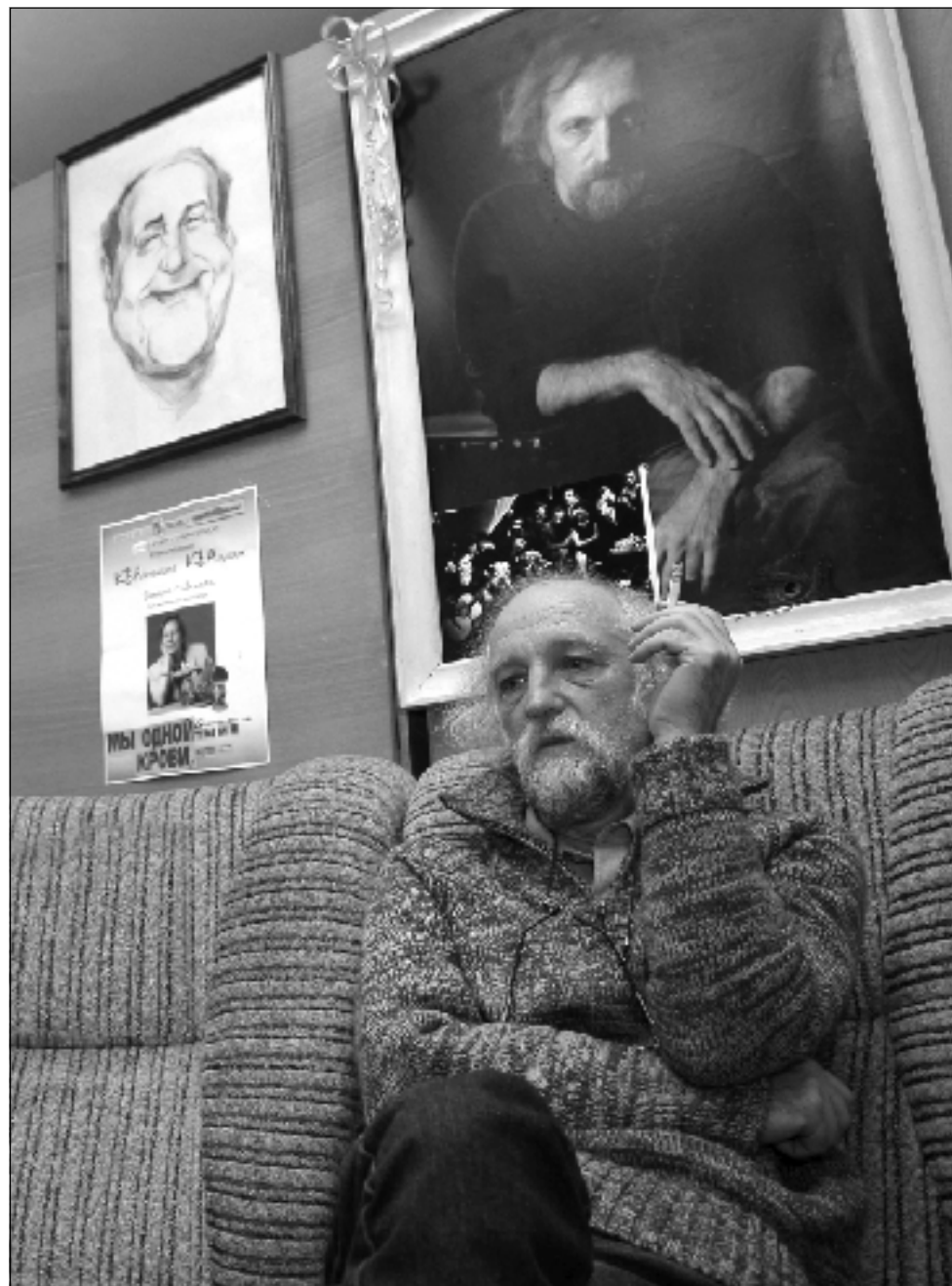

ФОТО ЕВГЕНИИ РУХМАЛЕВА

умею расставаться с людьми – стараюсь во что бы то ни стало сохранить ауру.

– Ваши года – ваше богатство, или все хорошее может случиться только в молодости?

– (Смеется). Для актера главное – здоровье, и в этом смысле мои года – не мое богатство. Зато моя башка впитывает все так же жадно, но стала мудрее, и в этом плане мои года – мое богатство.

– Актер Терлецкий-2008 и Терлецкий-1975... Чего не хватает тому в сегодняшнем?

– Во всяком случае, много я бы сделал не так – не знаю, лучше ли, но по-другому. Мне не хватало спокойствия на сцене, уверенности: я надевал на себя маску, боясь, что без нее буду не интересен, и роли мои были масочными. Теперь я понял, что это не так, и это благодаря Израилю. Но дело не в стране – дело в другом коллективе, режиссере и задачах.

– Это внутреннее спокойствие помогает в Израиле?

– В Израиле я видел многих артистов в работе и могу сказать, что так, как рвут душу русские артисты, не рвет никто – я это умею делать. Там умеют играть роль, но не умеют сыграть спектакль.

– Как в Голливуде: все играют себя – свой типаж, потому и актеров много. А та же Гундарева сыграла все – от полоумки до царицы, и в каждой роли была великолепна.

– Это тоже. Но еще там играют для себя, а наши умеют играть для спектакля и для партнера. И чем больше ты играешь на спектакль, тем лучше получается действие.

– А наоборот: что ушло от Терleckкого-1975, чего не хватает Терleckкому-2008?

– Задор ушел. Понимаете, здесь я был неподвижником. Там я тоже неподвижник, но в узкопрофессиональном смысле – на конкретном участке. Здесь я был неподвижником на уровне театра. Но я остался в профессии – это невероятное везение.

– Скольким уехавшим удалось найти себя в профессии?

– Это смотря кто за чем ехал. Люди, которые хотели просто нормально жить: иметь стабильность, деньги – приехали, зная, что придется круто менять свою жизнь... Многие мои друзья поменяли профессию – скажем, был инженером, а стал нянечкой в детсаду. Они не говорили: «Я емь – и примите меня таким» и сейчас живут нормальной сытой бюргерской жизнью, как хотели. Да, вкалывают как проклятые, но у них есть квартира, машина, они могут отдыхать за границей. Я этого не хотел, хотя тоже занимался не своим делом: работал в газете, сделал карьеру на выборных делах – от расклейщика предвыборных плакатов вырос до начальника русского отдела. Но в это время «приплыла» хорошая роль, и я все бросил.

– Вы сказали, что русские актеры рвут душу. А израильская публика готова к такой игре? Или на ваши спектакли ходят русские эмигранты?

– Нет, потому что начальство быстро сообразило, что мы не потянем их финансово, и сделало трагический шаг для меня – перевело репертуар на иврит.

– Вы не смогли его выучить?

– Смог, но дело не в этом: есть некие душевные отклики на самые простые слова: слово «любовь» его вызывает, а «ахава» – нет.

– Вы остались россиянином?

– Да. И стараюсь, чтобы внучка разговари-

вала по-русский, – мы даже три года не отдавали ее в израильский садик.

– Это очень трогательно, но зачем это вашей внучке? Она израильтянка, ментально она в том обществе...

– Я хочу сохранить с ней связь. На языке, который ей будет родным, я уже не смогу объяснить ей некоторые вещи, поговорить по душам – у меня не хватит для этого эмоций, да и словарного запаса. Я не смогу прочитать ей Пушкина. А русская культура – она... Мой друг, марокканский еврей, однажды прочитал Пушкина на иврите и понял, что должен прочитать его в подлиннике. Специально для этого стал учить русский и сейчас знает его лучше многих русских людей. Я всегда говорю: если и есть какая-то национальная идея, так она должна заключаться в том, чтобы люди знали свой язык.

– В Израиле разве нет местного аналога Пушкина?

– Есть, и я могу понять его смысл, но не тонкости. А поэзия – это достаточно тонкая материя: звукопись, звукояд...
– Как вас принял Израиль?

– У меня не было проблем – была пара казусов, но вскользь, и меня судьба вознаградила – я дружу со многими местными евреями. А вообще к массовому переселению евреев на Родину они относились сначала очень хорошо, но скоро поняли, что страна довольно тесная. И потом, она немного мафиозная – в каком смысле: скажем, армейское братство, а в армии Израиль служат все – в одном полку могут встретиться директор банка и уборщик. Они сближаются, ведут друг друга в карьере... Сейчас многие ровесники моей дочери уехали только потому, что поняли: они могут дослужиться до уровня менеджера, но старшим менеджером не станут никогда – а вот внуки станут. Они вернулись в Россию, но тут любопытная вещь: вы можете представить себе солдата Российской армии, который отслужил, уехал в Америку, но каждый год добровольно приезжает на военные сборы? А эти ездят.

– На своем творческом вечере вы показывали документальный фильм о палестинцах-шахидах, убивающих евреев. Я поймала себя на мысли, что вы уже тамошний человек.

– С тамошними проблемами – абсолютно так. Страна маленькая, и все, что происходит в 40 километрах от тебя, аukaется. У меня нет друзей, у которых бы не были ранены родственники, не погибли бы друзья, поэтому мне это близко. Мои дочь и внучка однажды не успели на автобус, который взорвался.

– И все же: «Буратино» перестал греметь потому, что развалился ваш триумвират, или вы расстались, потому что театр перестал греметь?

– И то, и другое. Да и время изменилось. Я то точно чувствовал, что близится финал этой истории и надо делать какой-то прыжок. Я по жизни обладаю этим чутьем – оно меня не выручало никогда, но на уровне: «Ребята, я же вам говорил!» – оно всегда действует.

– Возможно ли возрождение «Буратино» на том же уровне?

– Для этого нужен человек, адекватный времени, что ли: что нужно вбить в башку зрителю с точки зрения художественной идеи, чтобы они в то же время несли тебе за это деньги? Проблема любого театра – руководитель, а из этого вытекает все остальное – репертуар, труппа и кассовые сборы.

– Лучший спектакль, в котором вы сыграли, – какой?

– «Дом, который построил Свифт» – по накалу, по отдаче актерской... Мы предлагали привезти его в Израиль, но – кассовые сборы. Страна маленькая – это не Москва, где на каждого актера найдется аудитория с деньгами.

– Финансовое положение актеров Израиля не такое унижающее, как в Магнитогорске?

– (Задумывается). Зарплата небольшая, но есть система, которая позволяет жить: кредитование, банки – даже покупку авиабилетов мы можем растянуть на 36 платежей, так что лавируем. Тяжело, но не смертельно, как говорится.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.